

**Всероссийский патриотический конкурс «Был город фронт, была блокада»,
посвящённый Дню полного освобождения Ленинграда от фашистской
блокады**

«Колокол памяти. Негативы Великой Отечественной войны.»

Выполнил(а):

Червякова Анастасия Вячеславовна

Обучающийся (яся) 9А класса

МБОУ «СОШ №96» город Кемерово

Руководитель:

Евдокимова Ольга Александровна

ведущий юрисконсульт

ПАО «Сбербанк» город Кемерово

В старой коробке, обёрнутой пожелтевшей бумагой, лежат они — сотни чёрно-белых квадратиков. Кажется, это просто плёнка, покрытая пылью времени. Но стоит поднести их к свету, можно разглядеть в потускневших плёнках не абстрактных «героев», а людей, чьи сердца бились в унисон с Родиной. Они не думали о подвигах — они просто любили. Любили так, что шли умирать за родные перелески, за запах ржаного хлеба, за колыбельные, которые матери пели в темноте, прикрывая детей от бомбёжек. Берёзы, склонившиеся над окопами, будто пытались укрыть мир от огня. Михаил Пришвин назвал эти кадры в своих дневниках просто: «Когда били колокола...». Не дата, не место — лишь звук. Гулкий, тревожный, разрывающий тишину мирных лет. Колокола выступают не только как орудие насилия, символ разрушения церквей и культуры, их звон, который не смолкает даже сейчас, спустя десятилетия — живёт в складках этих негативов, в трещинах фронтовых писем, в рассказах бабушек, чьи руки до сих пор вздрагивают при слове «война».

Патриотизм — это умение услышать тот самый колокол сквозь шум современности, через песню, через стихи, через фотографии, книги. Пришвин, записывая в дневнике: «Война — это когда земля теряет голос» — сохранил для нас невидимое: ту самую тишину, которая громче любых снарядов. Но как вернуть голос тем, кто остался в тени истории? Может, именно это и есть задача патриотизма — не дать памяти стать чёрно-белым негативом. Проявить её в цвете, вдумчиво и бережно, как проявляют старые фотографии. Чтобы каждый ребёнок, глядя на портрет неизвестного солдата, вдруг понял: за этой улыбкой — целая вселенная, которую мы обязаны защитить. Война не просто отнимает жизни — она крадёт саму возможность быть человеком. В её жерновах исчезают не только дома и города, но и тонкие нити, связывающие поколения: отцовские уроки, материнские сказки, учительские наставления. Как учить детей любить мир, когда сам каждую ночь слышишь гул

бомбардировщиков? Война не терпит сомнений — она требует слепого подчинения.

В дневниках Лидии Гинзбург есть потрясающая запись о блокадном детдоме: воспитательница, сама едва стоящая на ногах, разучивает с детьми стихи Ахматовой. «Смерти нет — это знают даже они, — пишет Гинзбург. — Но есть нечто страшнее: смерть души. А её мы не допустим». Эти стихи, эти строки — не дань патриотизму. Это попытка удержать детей за гранью тьмы, не дать им забыть, что где-то есть солнце, смех, музыка. Но война мстит за такие попытки. В романе Людмилы Улицкой «Лестница Якова» героиня, врач из эвакуированного детского дома, пишет в письме: «Мы кормим их кашей из опилок и лечим подорожником. А они всё спрашивают: «Тётя Нюра, когда папа вернётся с фронта?» Что я могу ответить? Что папы уже нет? Или солгать, чтобы продлить их детство ещё на день?» Её мука — это мука всех, кто пытался сохранить в детях невинность в мире, где даже небо стало железным. Однако именно в этих трещинах между ужасом и надеждой рождается настоящий патриотизм — не парадный, а глубоко личный.

Сегодня, глядя на старые фотографии из пришивинской коробки, мы видим не солдат — мы видим людей. Их подвиг — не в убийстве врагов, а в том, что они, вопреки всему, оставались людьми. И наш долг — не превращать их историю в монументы. Сегодня, когда мир стремительно меняется, а границы между культурами и ценностями размываются. Именно сейчас важно, чтобы в подрастающее поколение с детства закладывался внутренний стержень, сплетённый из историй их семьи, уроков прошлого, тихого героизма предков. Патриотическое воспитание начинается не с учебников, а с умения услышать, как сквозь шум века пробивается эхо войны: в пожелтевшем письме прадеда, в трещине на фасаде старого дома, в берёзе, посаженной в честь погибшего солдата. Это не про идеологию — это про то, как девочка, слушая рассказ бабушки о блокадном хлебе, вдруг осознаёт, что её утренний бутерброд пахнет иначе. Или как мальчик, держа в руках медаль «За отвагу», понимает: это не «старая железяка», а след руки, которая когда-то спасла мир. Исключительную

важность подобных наград можно найти в стихотворении «Враги сожгли родную хату» Михаила Исаковского. Строки «И пил солдат из медной кружки / Вино с печалью пополам.» — не просто бытовая зарисовка. В них скрыта страшная математика войны. Медь в те годы не тратили на кружки — из неё отливали медали. Медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда»... Каждая — размером с ладонь, и каждая — весом в подвиг. Чтобы выплавить ту самую «медную кружку», солдату пришлось бы отдать десятки наград — словно переплавить десятки судеб. Но разве могла одна кружка вместить всю боль? «Вино с печалью пополам» — это не метафора. Это слёзы матерей, не дождавшихся сыновей, кровь раненых в медсанбатах, пепел сожжённых деревень. Каждый глоток из такой кружки — глоток памяти о тех, чьи медали так и не нашли героев. Всякий, кто прикасается к ней губами, должен чувствовать: этот металл — не из рудников. Он из сердец. Из орденов, которые звенели на груди уходящих в атаку. Ребёнок, знающий, что его прадед прошёл от Сталинграда до Берлина не ради славы, а чтобы дети могли смеяться без страха, уже не путает мужество с агрессией. Он будет искать опору не в чужих шаблонах, а в тихом голосе истории, говорящем: «Ты — часть чего-то большего».

Современный мир проверяет на прочность: соцсети учат жить «на показ», а глобальная турбулентность сеет тревогу. Но дети, воспитанные на подлинных историях — не парадных, а живых — смогут отличить правду от фейка, а подвиг — от бегства. Они не растеряются, когда жизнь потребует от них стойкости, ведь за их спинами — миллионы тех, кто уже прошёл этот путь. Пришвинские негативы, эти сотни застывших мгновений, напоминают: война — не чёрно-белая хроника. Это цвет крови на снегу и детский плач в эвакуации.

Патриотизм — это способность видеть в прошлом не монумент, а живую боль и надежду. Мы должны с ранних лет учить своих детей вглядываться в эти кадры. Не как в музейный экспонат, а как в зеркало, где за пылью времён светятся глаза тех, кто верил: их потомки поймут и не подведут.

В «Блокадной книге» Даниила Гранина и Алеся Адамовича есть пронзительный эпизод: пожилая женщина, пережившая блокаду, годами молчала о своём прошлом. Её дети и внуки не спрашивали, а она не решалась говорить — словно её боль была ненужным хламом в мире, где царят быстрые новости и вечная спешка. Лишь после долгих, терпеливых встреч с авторами книги она смогла раскрыться. «Мне казалось, что всё это уже никому не важно» — призналась она. Её слова — крик о том, как легко прервать связь поколений, если не находить времени остановиться и выслушать. Семейные ценности — это умение склонить голову перед сединой бабушки, чьи руки помнят, как тушили «зажигалки» на крышах. В той же «Блокадной книге» женщина, наконец рассказавшая о том, как хоронила дочь в промёрзшей земле, добавляет: «А потом я спасла чужого мальчика. Не знаю зачем... Может, чтобы не забыть, что я ещё человек». Этими словами она провозглашает ежедневный выбор оставаться человеком, даже когда мир рушится. И если дети не слышат таких историй, они лишаются нравственного компаса — внутреннего стержня, который помогает отличить честь от предательства, любовь от равнодушия. Уважение к старшим — не дань традиции, а способ вдохнуть жизнь в прищвинские негативы, превратить их в семейные реликвии, которые учат: сила — не в громких лозунгах, а в тихом мужестве.

Время неумолимо бежит, но его можно догнать, если превратить каждую беседу с детьми, каждый рассказ о прошлом в мостик между эпохами. Тогда даже в быстроизменяющемся мире останется место для тихого звона колоколов памяти — тех самых, что когда-то били в сердца наших предков и теперь должны звучать в нас. Патриотическое воспитание, как нить, связывающая эпохи, должно находить опору не только в семейных историях, но и в литературе — зеркале, отражающем душу народа. Если мы хотим, чтобы новые поколения не просто знали историю, а ощущали её как часть себя, книги должны стать для них не формальностью, а собеседниками. И тогда колокола памяти зазвонят снова — уже в новых сердцах. Россия будет процветать, только если её дети вырастут наследниками великой боли и великой силы. Если в их

душах не умолкнет вопрос: «А что я сделал, чтобы солнце, за которое погибли миллионы, светило и после меня?». Ведь пока мы задаём его себе — звон колоколов памяти не смолкнет.